

Исследование причастий и деепричастий проведено на большом фактическом материале.

Наречия верхнесысольского диалекта имеют ряд отличий от других коми диалектов в своем лексическом составе. Многие наречия заимствованы из русского языка или образованы от русских корней.

В монографии значительное место уделено послелогам. Автор анализирует значение каждого послелога, опираясь на многочисленные примеры.

Частицы и союзы рассматриваются по группам.

В словарь верхнесысольского диалекта (стр. 155—254) включены слова и выражения, не зафиксированные в ССКЗД. Они паспортизированы. При передаче звукового облика слов, как и примеров в монографии, применена принятая в коми языке транскрипция. Общее число специфических лексем составляет около 4000 слов и выражений.

В конце рецензируемой работы приложены тексты (стр. 255—264), представляющие собой бытовые рассказы и материалы фольклорного характера.

В монографии отсутствуют схема расположения населенных пунктов по верхней Сыsole и список географических названий. Между тем при выяснении многих исторических процессов языка топонимия служит единственным источником.

Работа «Верхнесысольский диалект коми языка», выполнена, как и предыдущие монографии, в статистическом плане. Приходится только сожалеть о том, что в исследовании нет экспериментальных данных происхождения своеобразных фонем диалекта.

В целом рецензируемая книга весьма полезна и может оказать неоценимую помощь в деле изучения пермской диалектологии.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1977.1.13>

В. И. Учкина, Инфинитив в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1975.

14 ноября 1975 г. на заседании Совета исторического и филологического факультетов Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации аспиранткой Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР В. И. Учкиной на тему «Инфинитив в мордовских языках». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук доцент М. Мосин (Саранск).

Если прежние диссертации по мордовским языкам были посвящены в основном синхронному описанию какого-либо диалекта, то в данном случае объектом изучения послужила одна грамматическая категория — инфинитив, — которая в мордовских языках в таком плане еще не исследовалась.

Необходимый языковой материал почерпнут автором из художественной литературы и периодики, фольклора и диа-

лектных записей. При анализе инфинитивных форм имелись в виду следующие аспекты: 1) история происхождения форм, 2) их семантическая и морфологическая природа, 3) синтаксическая роль, т. е. способность вступать в грамматические связи в составе словосочетания и предложения.

Благодаря хорошему знанию материала, а также обстоятельному и умелому анализу В. И. Учкиной удалось в своей работе дать всестороннее и убедительное описание сущности категории инфинитива в мордовских языках.

В первой главе (стр. 7—82) приводится морфологическая характеристика мордовского инфинитива. В восьми разделах рассмотрены такие вопросы, как история образования инфинитивных форм, диалектные формы инфинитива, формы объектного спряжения, инфинитив и имена действия, инфинитивные основы, а также все отличающиеся друг от друга по форме типы инфинитива (номинативный, иллативный и аблативный).

В мордовских языках инфинитив сохранил некоторые древние черты глагольного имени. Довольно большое сходство устанавливается с сохраняющими формант *t* инфинитивами в прибалтийско-финских, а отчасти и в марийском языках. Так, как иллативная морд. *лукэмаһен* 'читать', так и прибалт.-фин. *lukemaheñ 'читать' восходят к исходному лативу на *-s* от именной формы на *-ta*.

В связи с описанием современных номинативных форм инфинитива на *-ma*, *-mo*, *-me* автор устанавливает между ними этимологическое различие: в одном случае мы имеем дело с номинативным инфинитивом номинативного происхождения, а в другом — с номинативным инфинитивом иллативного происхождения. Несмотря на то, что форма номинативного инфинитива образуется преимущественно от глаголов движения, предположение об их иллативном происхождении звучит в работе несколько декларативно. Более обстоятельно и подробно следовало бы остановиться в связи с номинативным инфинитивом и на другом, предположительно лативном типе на *-n* > *-v*.

При сравнении с прибалтийско-финскими инфинитивами В. И. Учкиной удалось убедительно показать связь и с финским IV инфинитивом: *minun on laulaminen* 'мне надо (= есть) петь' = 'мне есть пение' — мокш. *тейне морама*, эрз. *монень морамо* 'мне надо петь'. Этот номинативный тип на *-minen*, по мнению рецензента, семантически еще ближе мордовскому номинативному инфинитиву на *-ma*, *-mo*, *-me*. Это обстоятельство, однако, не учтено в работе при первоначальном разграничении сферы употребления мордовского номинативного инфинитива.

При определении происхождения мордовских инфинитивных типов важную роль играют их диалектные формы, и это прежде всего при определении происхождения инфинитивов на *-mks*, *-mokс*, *-mekс*, представляющих собой с исторической точки зрения транслатив *m*-ового имени действия. В. И. Учкина основывается в данном случае на, видимо, ошибочном утверждении Д. М. Надькина, будто возникновение инфинитива с показателями *-ms*, *-mks*, *-mokс*, *-mekс* относится к периоду, когда транслатив еще не сформировался как самостоятельный падеж, а выступал в качестве разновидности иллатива. Несмотря на то, что в некоторых

мордовских говорах иллативные и транслативные инфинитивы употребляются параллельно и без какого-либо различия в значении, мы не можем отрицать существования первоначальных различий в их семантике.

По мнению рецензента, в этом вопросе заслуживает особого внимания инсарский диалект мордовского языка, в котором суффикс *-mks* употребляется именно в случае целевого инфинитива (в объектной форме), например: *Пенаат рамань. Сявома машина ускомксост* 'Дрова купил. Надо взять машину, чтобы их привезти'. Семантическое сходство с финским транслативным инфинитивом (*tuoda/kseñi* 'чтобы привезти') несомненно, а при транслативе на *-ks* и закономерно. Однако даже в отношении финского языка неверно было бы утверждать, что в период зарождения иллативного и транслативного инфинитивов эти падежи еще не выделялись.

Поскольку падежное окончание *-ks* возникло, видимо, в результате слияния двух лативных компонентов *k* и *s* (на возможность этого ссылается и автор), предположительно можно допустить и существование в мордовских языках первоначальной формы на *-k*. Известно, что среди мордовских именных форм имеются лативы на *-k* (мокш. *куду*, эрз. *кудов* 'домой', ср. прибалт.-фин. *kodok > эст. *koju*), поэтому предположение о наличии следов латива на *-k* в инфинитивах именованного происхождения следует всячески поддержать. Вполне возможно, что по звучанию этот тип позже настолько сблизился с номинативным инфинитивом, что на определенном этапе его развития мы уже можем говорить о слиянии, обобщении этих форм. То же обуславливает употребление в настоящее время форм номинативного иллатива вместо предполагаемого иллатива на **-k* или **-s* (особенно при глаголах, обозначающих движение).

Раздел «Формы объектного спряжения и сказуемого изменения инфинитива» нагляден и снабжен схемами, причем и в этом разделе и далее в работе В. И. Учкина в целом ряде случаев указывает на ошибочность некоторых установок других авторов.

В разделах, посвященных описанию инфинитивных типов, сферы их употребления разграничиваются на основе семанти-

ческих признаков. Предположение В. И. Учкиной, будто номинативный инфинитив является формой более древней, а иллативная и аблативная формы имеют более позднее происхождение, не достаточно мотивировано. Ведь тот факт, что в ряде диалектов в настоящее время нет инфинитива на *-s*, еще не может служить доказательством его отсутствия в прошлом. Обобщения как в одном, так и в другом направлении всегда возможны.

Автор работы обоснованно указывает на близость аблативного инфинитива с финским элативом типа *lapsel herkesivät leikkimästä* — мокш. *итне лоткасть налкхсемда* 'дети перестали играть'. Поскольку прибалтийско-финскому элативу и в других случаях соответствует мордовский аблатив, следует усматривать в нем прежнюю форму с тем же оттенком значения.

Во второй главе «Синтаксические функции инфинитива» (стр. 83—140) описываются синтаксические функции зависимого инфинитива, а затем синтаксические функции независимого инфинитива. Отметим, что в прежних работах проблема синтаксического анализа инфинитивных форм рассматривалась довольно поверхностно (например, в работе: P. Saukkonen, *Die Verwendung des nominativischen und illativischen Infinitivs im Mordwinischen*. — FUF XXXV 1964; стр. 88—115 синтаксический аспект почти не затрагивается).

В этой главе особенно ценным следует признать тот факт, что В. И. Учкина сопровождает непосредственный анализ языкового материала теоретическими обоснованиями, причем приводит нужные и убедительные примеры из финского, эстонского и русского языков. В спорном вопросе о том, является ли в предложе-

нии типа *Мезе тиемс?* 'Что делать?' инфинитив зависимым или независимым членом, автор вполне обоснованно придерживается первого предположения. Нельзя отрицать и правильности исходной ее позиции при анализе инфинитивных типовых форм: поскольку и в настоящее время мордовские инфинитивы совпадают по форме с *м*-овыми именами действия, основным критерием выделения типов может быть только их синтаксическая функция.

Зависимый инфинитив в мордовских языках особенно часто употребляется в структуре составного глагольного сказуемого. В этой функции выступают все три формы мордовского инфинитива. В основе описания независимых инфинитивов лежат типы инфинитивных предложений.

Анализ и здесь обстоятелен, выводы в целом не вызывают возражений. Для пользы дела можно было бы предложить ряд таблиц, обобщающих анализ (например, в связи с различием инфинитивных типов, по их синтаксической функции и др.). В ходе сравнения с прибалтийско-финскими языками можно было бы воспользоваться некоторыми полезными данными докторской диссертации П. Саукконена (P. Saukkonen, *Itämerensuomalaisten kielten tulosjainfinitiivirakenteiden historiaa I—II*, Helsinki 1965—1966 (MSFOu 137, 140)), которые автор работы не использовала.

В заключительной части (стр. 140) со значением дела подытоживаются результаты проделанного морфологического и синтаксического анализа, с которыми в целом нельзя не согласиться.

Рецензируемая работа представляет большой интерес и вносит определенный вклад в исследование мордовского инфинитива.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)